

РОККАНОВСКИЕ ЛЕКЦИИ

Л.В. Сморгунов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В СОВРЕМЕННОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ*

Сравнительная политология, активно развивающаяся под влиянием позитивистской методологии бихевиоризма и структурного функционализма в 1950–1960-е годы, в начале следующего десятилетия попала под огонь критики. Можно выделить несколько ее направлений. Во-первых, политическая наука в целом и сравнительная политология в частности оказались невосприимчивыми к новым социальным и политическим переменам, которые так бурно выявились в конце 1960-х – начале 1970-х годов в виде контркультурных движений, постиндустриальной революции, коммуникационных трансформаций. Во-вторых, попытка создать на основе бихевиоризма и структурного функционализма политическую науку, лишенную ценностной нагрузки, фактически привела к господству лишь одной теоретической парадигмы, связанной фактически с идеологией «буржуазного либерализма». В-третьих, оказалось, что эти методологии сравнительного анализа, ориентирующиеся на поиск закономерных связей и подобий, вели к созданию картины политического мира, лишенной значительной доли уникальности и многообразия. В-четвертых, преобладание количественных методов анализа в сравнительной политологии хотя и создавало возможность для проверки гипотез, но одновременно приводило к их обеднению. Путем статистической проверки утверждались зачастую либо довольно банальные истины, либо уже известные зависимости. В-пятых, хотя сравнительная политология и включала в свое поле зрения страны Азии, Африки и Латинской Америки, но сформированная телеологическая концепция зависимого развития вызывала протест как у западных компаративистов, так и у исследователей незападных стран.

После кризиса 1970-х годов сравнительная политология потеряла значение однородной с точки зрения методологии отрасли и развивалась

* В лекции использованы статьи автора, опубликованные в последние годы в журналах «Полис», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б», «Политэк», «МЕТОД».

то под влиянием намерений найти новую методологическую парадигму, то под воздействием изменений в самом объекте исследования. В этом отношении два десятилетия сравнительная политология сохраняла статус весьма дифференцированной отрасли и по предмету, и по методам исследования. Методология неоинституционализма, которая получила распространение в политической науке в результате экономического империализма, все же не изменила общей картины. Третья волна демократизации позволила продвинуть дальше некоторые теоретические конструкты без радикального преобразования отрасли. Противостояния различных традиций исследования на плюралистическом этапе развития перестали удовлетворять критериям научной достоверности выводов сравнительной политологии.

В конце прошлого века возникает набирающая силу тенденция к синтезу противостоящих методологий и поиску новых синтезированных оснований политологического сравнения. «Ослабевающие различия» связаны с понижением уровня противостояния дюркгеймовской и веберовской традиций, количественных и качественных методов, объяснения и понимания, выяснения причин и простого описания, позитивизма и герменевтики. В целом в сравнительной политологии начинает господствовать убеждение, что метод должен быть подчинен исследовательской субстанции, т.е. политике; следует искать такие подходы, которые базировались бы на особенностях политической реальности. Не упрощение исследовательских политических моделей, а усиление сложности и взаимозависимости в сравнительных исследованиях становится необходимостью.

В этом движении к синтезу особую роль начинают играть когнитивные составляющие политического процесса, идеи, которыми люди руководствуются в политике, качественные степенные политические различия, исторические уникальные событийные политические процессы. В центре этих изменений лежит переход от фактуального к событийному политическому знанию. Категория «политическое событие» приобретает онтологический и гносеологический статус, позволяющий разрешить проблему методологического синтеза. Изменение объекта компаративного исследования (политика в условиях глобализма, коммуникативной революции и общества знания) повышает роль и значение таких методологических подходов в сравнительных исследованиях, как конструктивизм, конфигурационный подход (качественные исследования на основе булевой алгебры и логики нечетких множеств), интерпретативизм и историзм, case-ориентированное сравнение. Обоснование синтезированного характера этих методологий решается, как правило, на пути аддитивного подхода, который понижает уровень обоснования их эвристической значимости в сравнительной политологии. Представляется, что поиск холистской основы позволит разрешить ряд проблем методологического синтеза и усилить его роль в трансформационных процессах в современной сравнительной политологии, повысив ее аналитические и объяснительные возможности.

Плюралистический период сравнительной политологии (1980–1990) показал, что методологическое многообразие и противостояние различных подходов к политологическому сравнению понижают научную результативность. Новое оживление в сравнительной политологии начинается в конце прошлого – начале нынешнего столетия. Появляются обобщающие работы, в которых сделана попытка подвести определенные итоги развитию сравнительной политологии в послекризисный период. Вновь развивается дискуссия о соотношении количественной и качественной методологии сравнительного исследования. На первый план некоторые исследователи выдвигают проблемы герменевтического понимания политического действия и интерпретативного подхода к политике и управлению. При этом указывают на принципиальное различие между сциентистской американской традицией политических исследований и британской политологией, отмечая в последней акцент на историческое познание и интерпретативизм. Что еще более знаменательно, так это стремление всех участников дискуссии не противопоставлять различные подходы и традиции, а попытаться найти некоторую синтетическую основу для их взаимодействия и взаимообогащения. Преодоление различий выражается в появлении и обосновании новых методологических подходов, которые претендуют на разрешение проблем противостояния количественных и качественных, интерпретативных и объяснительных исследовательских ориентаций. Особое место здесь занимают конструктивистская методология, конфигуративный анализ (или качественный сравнительный анализ на основе использования логики нечетких множеств), case-ориентированное сравнение. Все эти методологические подходы в сравнительной политологии опираются на более фундаментальные философские основания, выраженные в концепциях «научного реализма», «аналитического нарратива», «когнитивного подхода».

Достоинства и ограниченность неинституциональной методологии

Если на плюралистическом этапе в развитии сравнительной политологии (1970–1980) неинституциональная методология исследования политических процессов составляла лишь одну тенденцию наряду со многими другими, то в последние два десятилетия (1990–2010) она стала доминирующей и позволила преобразовать отрасль сравнительной политологии в направлении ее большей строгости и четкости, правда, с потерей некоторого политического содержания. Неинституционализм как господствующая методологическая парадигма в сравнительной политологии определил ряд особенностей современного этапа развития этой отрасли.

Во-первых, *сравнительная политология получила значительный импульс к усилению междисциплинарности исследований*. Учитывая много-

образе версий неoinституционализма (экономический, социологический, исторический, организационный, нормативный, дискурсивный, конфликтологический и т.д.), можно говорить о том, что сравнительные политические исследования стали междисциплинарной сферой изучения формирования и действия разнообразных институтов, а политика как институционализируемая сфера стала анализироваться с использованием различных тематико-методологических подходов.

Во-вторых, *неоинституционализм повысил роль и значение концептуализации и моделирования в сравнительной политологии*. Это позволило поднять значение сравнительной политологии как теоретической дисциплины и придать строгость и целостность компаративным политическим исследованиям. Вместе с тем «экономический империализм» привел и к негативным результатам. Можно даже сказать, что понятия и принципы неоинституционализма стали своеобразным клише, используя которые компаративист маркировал политическую практику. И эти понятия выступали не инструментом анализа, а выражением самой политической реальности. В значительной мере под влиянием неоинституциональной методологии политика перестала отличаться от экономики, а политическая деятельность от торговли на рынке. Нормальный политический процесс соглашений приобрел значение «торговли голосами» и «картельных сделок», а политическая власть – значимого капитала, который можно пустить в рост.

В-третьих, *повысилась степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований*. Неоинституционализм во всех его формах старался показать не только то, что происходит в политике, но и почему. В этом отношении многообразие форм институционализма явилось своеобразным выражением поиска различных причин институционализации политики, будь то рациональная калькуляция потерь и выгод, историческая «тропа зависимости», принятость культурных норм, следование идеям и т.д.

В-четвертых, Г. Алмонд в свое время отмечал, что структурный функционализм 1950–1960-х годов позволил *включить в орбиту сравнительных исследований все многообразие стран*, а не только самую развитую его часть.

Неоинституционализм в этом отношении был еще более радикальным. Он позволял анализировать условия возникновения институтов в различных культурных контекстах и получать универсальные обобщения, с одной стороны, или объяснять особенность институционального строения различных политик с помощью универсальных моделей – с другой.

В-пятых, 1980–1990-е годы – период третьей волны демократизации, захватившей многие страны мира. Этот период приходится на господство неоинституциональной методологии в сравнительных исследованиях (вторая половина 1980-х и далее). В этом отношении сравнительная политология на данном этапе не только получила значимую методологию, но и *тематически оживилась за счет демократических переходов*, в которых

преобладающую роль играли процессы институциональной трансформации и консолидации. Можно сказать, что объект, предмет и методология исследований находились в созвучии, что позволило сравнительной политологии не потерять, а приобрести дополнительные аргументы для позиционирования себя в рамках политической науки в целом как ведущей субдисциплины.

В настоящее время (в XXI в.) в методологии сравнительных исследований вновь появились определенные тревожные ноты. И раньше исследователи обращали внимание на некоторые пределы неинституциональной методологии, но теперь усиливается критика «экономического империализма» в целом. Неинституционализм эволюционировал в отношении добавления к нему сетевого подхода и когнитивных составляющих. Однако аддитивный тренд выявил свои пределы. Он позволял преодолевать ряд ограниченностей неинституциональной методологии, но не решал проблему кризиса радикально. Закончившаяся «третья волна демократизации» (и перспективы возможной «четвертой») заставляет компаративистов обратить внимание на другие формы политического процесса, и вдруг обнаруживается, что неинституционализм не совсем способен справиться с ними, например, феномен «цветных революций» или «рациональное поведение» при выборе недемократических институтов, т.е. заведомо неэффективных с позиции господствующей методологии.

Ни плюрализм методологических подходов в сравнительных политических исследованиях, ни преобладание неинституционализма более не рассматривается в качестве нормального состояния сравнительной политологии. *Анализ продемонстрировал, что преодоление кризиса возможно на пути синтеза ряда теоретико-методологических традиций.* Однако возникают проблемы пределов синтеза и научной результативности совместимости качественных и количественных, интерпретативных и позитивистских, институциональных и когнитивистских, статистических и case-ориентированных подходов в сравнительной политологии.

Событийное знание

С большой долей обоснованности можно утверждать, что использование концепции «политического события» позволяет разрешить проблемы методологического синтеза в сравнительной политологии, что трансформирует решение онтологических и методологических вопросов.

В онтологическом отношении *событийность самой политики является ее отличительным признаком от происходящего в других сферах жизнедеятельности общества.* Событийная природа политики анализировалась в работах Х. Арендт, Ж.-Л. Нанси, А. Рено, П. Рикера, А. Бадью и др. Событийное понимание политики связывает ее прежде всего с действительностью и поступком, которые, конечно, осуществляются в материаль-

ных и культурных условиях, но не являются однозначно определенными ими. Нельзя сказать, что политическое событие абсолютно свободно, но нельзя и забывать о том, что человеческая деятельность вносит в политический процесс много неопределенного. Здесь воля и намерение играют существенную роль, и они трансформируют действительность часто случайным образом. Поэтому политическая наука, если ее представители хотят быть не просто наблюдателями или экспертами, а политиками-учеными, должна быть чувствительной к экстраординарному, случайному и протестному в политике.

В методологическом отношении стратегии политического исследования должны учитывать эту событийную природу политики. Не изучение механизмов (процессов) взаимосвязи причины и следствия, средств и целей, что характерно для фактуального знания (а неонституционализм относится к нему), а исследование того, как люди действуют в определенных обстоятельствах, когда в этом сочетании структур и поступков структуры и поступки трансформируются и возникает событие, непредвещавшееся никакими обстоятельствами. *В области методологии можно говорить о продуктивности следующих направлений анализа: а) эпистемологическое содержание категории «политическое событие» на основе анализа соотношения понятийного и имажинативного мышления; б) общие принципы событийного подхода; в) его отличия от фактуального и интерпретативного знания; г) соотношение конструктивистской и событийной методологий; д) его модификации в таких методологиях, как «исследование отдельного случая» и конфигуративные методы.*

Эпистемологическое содержание категории «политическое событие». На наш взгляд, можно выделить основные тенденции смены рациональной парадигмы политики как проявления воли в борьбе за господство концепцией событийности политики, в основе которой лежит идея свободы как атрибута власти воображения. Рассматривая критику кантовской идеи продуктивного воображения в современной политической философии, можно утвердительно говорить о ее значимости для доказательства событийной природы политики и событийного политического знания. В центре доказательства – обоснование созерцательности политического познания как репрезентации политического события и как проекта политической практики. В связи с этим выявляется, что если природа политики событийна, т.е. связана со случайностью и партикулярностью, а политическое событие разворачивается перед нами во всей своей сложности, неопределенности и длительности, то познание политики может быть скорее созерцательным, а не экспериментальным.

Созерцательная парадигма науки базируется на беспристрастности исследователя, его незаинтересованной позиции, а следовательно, на возможности делать суждения о предмете так, как он представляет себя перед ним. Здесь беспристрастность не означает безразличия, но свидетельствует о недетерминированности наших суждений в противоположность сужде-

нием о понятиях рассудка, т.е. об их свободной игре для нас, позволяя вещам появляться перед нами так, как они есть. Созерцательная политическая наука не тождественна некритической науке. Хотя способность суждения является скорее способностью налаживать контакты в плюральном мире, однако ее потенциал раскрытия действительности как она есть можно рассматривать в качестве мощного критического орудия познания и практики. Критическая наука связана со свободой произносить суждения о мире и на этой основе вступать в практическое отношение с ним, формируя на основе воображения проективность действия.

Общие принципы событийного подхода. Событийное познание руководствуется следующими основными принципами: нераздельность структурного и агентского факторов политического события; трансформация структурного и агентского факторов в ходе политического события; темпорально-ситуационная сложность политического события, его определенность условиями политического действия; нелинейность развертывания политического события; принципиальная открытость политического события к его результатам; перспективизм политического события; формирование смысла политического события по его ходу.

Отличия событийного знания от фактуального и интерпретативного. Событийный подход к исследованию означает, что происходящее как объект исследования рассматривается не в качестве противопоставленной субъекту вещи и не как предмет возможной интерпретации, а в виде некоторого феномена, подверженного нашему интенциональному опыту и развертывающемуся перед нами в своем осуществлении. Хотя в познании событий возможен детерминистский подход, направленный на поиск процессов и механизмов, или возможна интерпретация событий с позиции разнообразия ценностных суждений, однако сутью событийного знания выступает обнаружение идеи события, т.е. существа происходящего самого по себе. Здесь, кажется, можно провести различие между смыслом как целью понимания и идеей как целью обнаружения. Идея как схватывание существа происходящего в мысли адекватно воспроизводится не в понятии или суждении, а только повествованием в рассказе. Событийное знание имеет ориентационное значение, и исследователь здесь выполняет скорее функцию «практического философа», т.е. политика, деятельность которого по обнаружению идей становится по преимуществу деятельностью авторитетной, а значит – политической.

Соотношение конструктивистской и событийной методологии

Конструктивизм как методология политического исследования наиболее близко соотносится с событийным знанием. В этом отношении общими предпосылками конструктивистского подхода можно выделить следующие положения: социальные системы могут быть объяснены в

качестве социальных конструктов, возникающих в процессе социального действия; социальное действие не является индивидуальным актом, а представляет собой «интерсубъективную» структуру, т.е. систему взаимодействий людей; хотя люди посредством социального действия добиваются реализации определенных интересов и целей, однако последние не берутся в качестве само собой разумеющихся исходных оснований деятельности; интересы и цели также суть социальные конструкты; люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают тот мир, в котором они живут, а социальные факты выступают выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди; люди соглашаются считать то или иное ценным в результате серии коммуникативных практик, т.е. достигнутого согласия относительно обсуждаемого предмета; в процессе коммуникативных практик люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании достигнутого согласия о ценностях; в этом отношении идеи имеют значение и являются конститутивными для так понятой социальной реальности. Можно сказать, что идеи и коммуникация составляют существо конструктивистского подхода к анализу социальных фактов и процессов. Идеи не могут выполнить своей конститутивной роли без коммуникации, которая делает их совместными для людей. Вместе с тем событийное знание и событийный подход в отличие от конструктивизма по-иному обосновывает онтологию политики и делает акцент не на идеях, а на действиях и поступках, в рамках которых идеи оказываются конструктивными.

Исследование отдельного случая

На основе дискуссии об особенностях исследования отдельного случая в сравнительной политологии можно выделить основания связи современных подходов с событийным знанием. Отличия этой дискуссии от предыдущих связываются с инновационной постановкой ряда вопросов и утверждением значимости качественных методов: 1) разработка новых подходов: контрфактуальный анализ, отбор противоположных случаев, метод повторного отбора усовершенствованных понятий; 2) выявление соотношений со статистическими и формальными методами и разработка мультиметодологического подхода; 3) профессионализация в области использования качественных методов; 4) институциональное развитие сообщества исследователей, ориентирующихся на качественные методы. В этом отношении обоснованы событийная природа отдельного случая; причинная сложность отдельного случая; роль идеи и качественный политический анализ отдельного случая; созерцательный характер политической науки. В связи с этим следует обратить внимание на принципы контекстуальности, причинной сложности феномена, холизм. В этом отношении в основе тематики сравнительных исследований лежит трактовка политики

с акцентом на политическом действии, а не на институтах. Рутинная практика выбора эффективных политических институтов при таком подходе является лишь следствием более существенных, политически значимых событий и процессов, которые определяются логикой экстраординарности, случайности и протеста. Именно они определяют перспективы институционального строительства и его стабилизации на определенный период, пока сохраняется потенциал исходного политического действия, оформленного как политическое событие.

Конфигуративные методы

Исследование соотношения конфигуративных методов (булева алгебра и логика нечетких множеств, примененные к сравнительному исследованию) с событийной методологией продемонстрировали, что есть явные преимущества объединения разных исследовательских стратегий в так называемые «множественные методы», «мультиметоды», или «смешанные методы», которые более соотносимы со сложной структурой событийной политики. Можно говорить, как отмечается в литературе, о следующих преимуществах объединения различных методов: во-первых, такая стратегия позволяет расширить перспективу рассмотрения изучаемой проблемы и, следовательно, повысить обстоятельность исследования; во-вторых, смешанные методы могут компенсировать многие несовершенства, связанные с использованием только одного метода; в-третьих, использование различных методов в единстве позволяет повысить общую силу и обоснованность исследовательской стратегии. Однако смешанная методология редко проработана основательно. Наиболее серьезной и фундаментальной проблемой является то, что лежащие в основе предпосылки различных объединяемых методов могут подрывать друг друга и противостоять друг другу. Есть также практический риск объединения, так как исследователь подвергается атаке со стороны множества подходов в случае неудачного объединения методов, тогда как использование одного хорошо проработанного метода может не вызвать таких нареканий.

Важно также, что конфигуративные методы отличаются от обычных статистических подходов тем, что они полагаются на другие онтологические допущения, которые соотносимы с событийным подходом. В фактуальном знании с использованием статистики закон больших чисел, вероятность, линейная зависимость между переменными, более-менее строгая взаимосвязь причины и следствия заставляют говорить об изучаемой реальности как о системе упорядоченных, более-менее однозначно определенных, гомогенных отношениях между элементами. Средние значения, характеризующие динамику развития систем, допускают интерпретацию отклоняющихся случаев как несистемных и нехарактерных. Исчезающее многообразие компенсируется силой, установленной статистической зави-

симостью. Наоборот, в событийном и конфигуративном анализе действительность рассматривается в множестве условий и действий, а сочетание причин и следствий порождает множество моделей адаптации к окружающей среде. В этом отношении феномены рассматриваются сопряженными и стохастическими, а не линейными и аддитивными; отсюда многолинейность не рассматривается в качестве проблемы.

Использование конфигуративных методов при проведении сравнительных исследований позволяет решать ряд задач. Во-первых, булева алгебра позволяет осуществлять фальсификацию и определение гипотез исследования. В общем, минимизация таблицы истинности является непосредственной попыткой фальсификации первоначальных гипотез, тогда как получение основных импликантов позволяет определить гипотетический минимум условий определенного следствия. В этом смысле фальсификация и определение гипотез с помощью булевой алгебры позволяют проверить большее число случаев, которые по разным причинам исследователь-компаративист не смог включить в рассмотрение (в том числе и теоретически возможные случаи).

Во-вторых, они позволяют обращаться к сложным каузальным предположениям, увеличивая число условий, подлежащих анализу. В сущности, этот подход начинается с предпосылки максимизации причинной сложности, тогда как статистический метод начинается с предпосылки простоты взаимосвязи. Конечно, булев анализ по сравнению с «case-study» подходом не характеризуется максимальным вниманием к историческим деталям, но он позволяет включить в рассмотрение максимальное число возможных комбинаций условий, и он более надежен с точки зрения получения теоретических обобщений. Одновременно с этим данная техника позволяет (если это нужно) производить экономное объяснение каузальных взаимосвязей. Экономное объяснение достигается определением наибольших классов условий, для которых характерен определенный результат. В-третьих, конфигуративный подход позволяет осуществлять типологию процессов и феноменов, вовлеченных в исследование. При этом следует заметить, что этот подход в целом применим к формированию теоретических типологий наряду с историческими. В принципе логические комбинации условий, наблюдаются они исследователем в действительности или нет, покрывают все возможные теоретические комбинации, которые путем минимизации можно сгруппировать в некоторые теоретические типы. Другой вопрос – их интерпретация. Но здесь, как уже подчеркивалось, данный подход должен идти вместе с теорией; он не заменяет интерпретационный анализ, а является его помощником. В-четвертых, существование многих концептуальных схем относительно политических процессов часто требует проверки относительно их взаимодополнительности. К тому же многие концепции противостоят друг другу, выдвигая исключаящие предположения и выводы. Конфигуративный подход позволяет осуществить оценку взаимодополняющих или конкури-

рующих концепций. В-пятых, техника конфигуративного анализа позволяет одновременно осуществлять исследование в целостности причин и следствий изучаемого явления, а также изучать отдельные составляющие этой целостности. В этом отношении она включает в себя ориентацию на холизм и на индуктивный анализ, что соответствует событийному подходу к сравнительному исследованию.

* * *

Сравнительная политология – это лишь одна из отраслей научного знания, в которой явно обозначен поворот в сторону поиска синтетических методологий. Можно утверждать, что в общественной науке в целом наблюдаются аналогичные тенденции. В этом отношении сравнительная политология выступает модельным образцом, так как именно сравнительный метод выступал в политической науке (и в общественной науке) заменителем эксперимента – стандартного инструмента научного исследования. Неинституционализм, который ввел в широкий оборот моделирование, не смог разрешить проблемы экспериментальной науки. Он стал комбинироваться с сетевым подходом, конструктивизмом, аксиологией. Однако простое аддитивное решение тоже являлось промежуточным. Появился интерес к холизму и синтезу. Поиск синтетических методологий сопровождался переоценкой роли онтологии, повышением ее значимости в ходе методологической эволюции. В этом отношении в основании стремления к методологическому синтезу лежит синтез онтологии и методологии, который, на наш взгляд, достаточно определенно выразился в обращении к событийной природе политики.